

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	9
Часть I ПОНЯТИЕ СФЕРЫ ДЕЙСТВИЯ	
ГЛАВА 1. АКТАНТЫ И СФЕРА ДЕЙСТВИЯ	21
1. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ	21
2. АКТАНТЫ	23
3. УПРАВЛЯЕМЫЕ ВАЛЕНТНОСТИ: КАНОНИЧЕСКОЕ И НЕКАНОНИЧЕСКОЕ ЗАПОЛНЕНИЕ	24
3.1. Регулярное изменение управления	25
3.2. Согласование	26
3.3. Сочинение в функции подчинения	28
4. СИНТАКСИЧЕСКИЕ ПОЗИЦИИ АКТАНТОВ	32
5. ПОНЯТИЕ СФЕРЫ ДЕЙСТВИЯ ЛЕКЕМЫ	43
6. СФЕРА ДЕЙСТВИЯ И SCORE	46
ГЛАВА 2. ВАЛЕНТНАЯ СТРУКТУРА ТЕМПОРАЛЬНЫХ АДВЕРБИАЛОВ	49
1. СХЕМА ОПИСАНИЯ ВАЛЕНТНЫХ СВОЙСТВ	49
2. КОЛИЧЕСТВО И СОСТАВ ВАЛЕНТНОСТЕЙ ТЕМПОРАЛЬНЫХ АДВЕРБИАЛОВ	50
3. СПОСОБЫ ЗАПОЛНЕНИЯ ВАЛЕНТНОСТЕЙ	71
4. ТЕМПОРАЛЬНЫЕ АДВЕРБИАЛЫ И МОМЕНТ РЕЧИ	75
4.1. Совпадение временного ориентира с моментом речи	76
4.2. Несовпадение временного ориентира с моментом речи	82
ГЛАВА 3. НЕИЗОМОРФИЗМ СИНТАКСИЧЕСКОЙ И СЕМАНТИЧЕСКОЙ СФЕРЫ ДЕЙСТВИЯ	85
1. НЕПРЯМОЕ ЗАПОЛНЕНИЕ ВАЛЕНТНОСТЕЙ: НУЛЕВАЯ СД ^{сем}	85
1.1. Валентности, выражаемые при функциональном глаголе	86
1.2. Субъектная валентность неличного глагола	87
2. НЕЛЕКСИЧЕСКОЕ ЗАПОЛНЕНИЕ ВАЛЕНТНОСТИ	88
3. СД ^{сем} — ЧАСТЬ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ СЛОВОФОРМЫ	90
3.1. Частица <i>только</i> и предикаты со значением 'достаточно'	91
3.2. СД темпоральных обстоятельств типа <i>завтра</i> и <i>на завтра</i>	100
3.2.1. Обстоятельства типа <i>завтра</i>	102
3.2.2. Обстоятельства типа <i>на завтра</i>	105
3.2.3. Проблема описания	109
4. СД ^{сем} — ГРАММАТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ СЛОВОФОРМЫ	116
5. СД ^{сем} — ЗНАЧЕНИЕ СИНТАКСИЧЕСКОЙ КОНСТРУКЦИИ	117
6. СД ^{сем} — ЗНАЧЕНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ ЕДИНИЦЫ	118
6.1. Отрицание и противопоставление	118
6.2. Союз <i>или</i> и контрастная тема	124
7. СД ^{сем} — ЗНАЧЕНИЕ РЕФЕРЕНЦИОННОЙ ПРИРОДЫ	127

7.1. СД ^{сем} анафорических местоимений	127
7.2. Родовой денотативный статус и предикаты изменения состояния	129
8. СД — ЗНАЧЕНИЕ РЕЧЕВОГО АКТА	137
8.1. Вопрос в СД наречий	137
8.2. Вопрос и СД союза <i>и</i>	139
8.2.1. Постановка задачи	139
8.2.2. Союзы <i>и</i> и <i>или</i>	140
8.2.3. Объединительная и разделительная интерпретации ИГ	142
8.2.4. Множественные и сочиненные ИГ в вопросительных и утвердительных предложениях	143
8.2.5. Значение вопроса	145
8.2.6. Вопрос и конъюнкция	146
8.2.7. Прагматические различия	149
8.2.8. Почему же <i>и</i> может осмысляться дизъюнктивно?	150

Часть II

СД УНИКАЛЬНЫХ СЛОВ

ГЛАВА 4. ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ ЕДИНСТВЕННЫЙ В СОПОСТАВЛЕНИИ С ЧАСТИЦЕЙ ТОЛЬКО	155
1. СИНТАКСИС ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО ЕДИНСТВЕННОЙ	156
1.1. Конструкция типа <i>единственное письмо, которое пришло вовремя</i>	158
1.1.1. Соотношение со связочной конструкцией	158
1.1.2. Соотношение с элективной конструкцией	159
1.1.3. Смысловая связь	160
1.2. Конструкция типа <i>Иван единственный пришел вовремя</i>	162
1.2.1. Прототипическая копредикативная конструкция	165
1.2.2. Кванторно-копредикативная конструкция	167
1.2.3. Конструкция с <i>единственный</i>	174
1.3. Конструкция типа <i>Единственный, кто пришел вовремя, — это Иван</i>	180
1.3.1. Синтаксическая структура	181
1.3.2. Допустимые связки	185
1.3.3. Допустимые союзные слова	189
1.3.4. Форма подлежащего и предикатива	190
1.3.5. Отступление про синтаксически двойственную природу	197
2. ЗНАЧЕНИЕ И ВАЛЕНТНОСТИ СЛОВА ЕДИНСТВЕННЫЙ	201
3. СФЕРА ДЕЙСТВИЯ СЛОВА ЕДИНСТВЕННЫЙ	202
3.1. Определительная конструкция	203
3.1.1. <i>Единственный</i> интонационно не маркировано	203
3.1.2. <i>Единственный</i> интонационно маркировано	208
3.2. Элективная конструкция	208
3.3. Атрибутивная конструкция	209
3.4. Связочная конструкция	211
3.5. Кванторно-копредикативная конструкция	215
3.6. Конструкции с обособлением	216
4. СФЕРА ДЕЙСТВИЯ СЛОВА ТОЛЬКО	221
5. РЕШЕНИЕ ЗАДАЧ	224
ГЛАВА 5. СООТНОШЕНИЕ ЗНАЧЕНИЯ И СФЕРЫ ДЕЙСТВИЯ ЛЕКСЕМ УЖЕ, ЕЩЕ И ТОЛЬКО	227

1. УЖЕ: 'РАНО' VS. 'ПОЗДНО'	227
2. ДВА СПОСОБА КОНКРЕТИЗАЦИИ ОЖИДАНИЯ: 'СОБЫТИЕ' VS. 'ВРЕМЯ'	228
3. ОПИСАНИЕ: СД-ПРАВИЛО И МОДИФИКАЦИЯ ТОЛКОВАНИЯ ...	230
4. СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУ ЕЩЕ И УЖЕ	237
5. СООТНОШЕНИЕ МЕЖДУ УЖЕ = 'РАНО' И УЖЕ = 'ПОЗДНО'	247
6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ	252
ГЛАВА 6. ЕЩЕ И ОТРИЦАНИЕ	255
1. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ	255
2. КОНТИНУАЛЬНОЕ И АДДИТИВНОЕ ЕЩЕ	258
2.1. Синтаксические позиции и просодия <i>еще</i> ² и <i>еще</i> ³	263
2.2. Сфера действия <i>еще</i> ² и <i>еще</i> ³	274
2.2.1. Смещение	275
2.2.2. Валентность Р: неизоморфизм СД ^{сем} и СД ^{синт}	276
2.2.3. Валентность Р: сочетания с модальными предикатами	279
2.2.4. Валентность Р: сочетания с обстоятельствами	279
2.2.5. Валентность Q: количественные и определительные зависимые	280
2.2.6. Валентность Q: семантически несамостоятельные именные группы	285
2.2.7. Валентность Q: сочинительные цепочки	286
2.2.8. Валентности Р и Q: сочетания с глаголами	286
3. ЕЩЕ И ОТРИЦАНИЕ: УЖЕ НЕ VS. БОЛЬШЕ НЕ	291
3.1. Значение выражений <i>уже не</i> и <i>больше не</i>	292
3.2. СД выражений <i>уже не</i> и <i>больше не</i>	296
3.3. Внутреннее строение выражений <i>уже не</i> и <i>больше не</i>	299

Часть III

НЕТРИВИАЛЬНЫЕ СФЕРЫ ДЕЙСТВИЯ И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ГЛАВА 7. ДАЖЕ И ПРОБЛЕМА КОМПОЗИЦИОНАЛЬНОСТИ: СЕМАНТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ	305
1. ЗНАЧЕНИЕ ЧАСТИЦЫ ДАЖЕ И ЕЕ ПРОСТЕЙШИЕ СФЕРЫ ДЕЙСТВИЯ	305
2. МОДИФИКАЦИЯ ТОЛКОВАНИЯ	314
3. ПЕРВЫЙ ТИП НЕТРИВИАЛЬНЫХ СД ЧАСТИЦЫ ДАЖЕ	318
3.1. Постановка проблемы	318
3.2. Подъем отрицания	321
3.3. Отказ от подъема отрицания	322
3.4. ¹ СД <i>даже</i> и отрицание	325
3.5. Возможные контексты для ¹ СД: отрицательная поляризация	326
3.6. В какой мере сложное предложение построено из простых?	335
ГЛАВА 8. ДАЖЕ И СТРАТЕГИИ ПОНИМАНИЯ	343
1. ВТОРОЙ ТИП НЕТРИВИАЛЬНЫХ СД ЧАСТИЦЫ ДАЖЕ (¹ СД)	343
2. СООТНОШЕНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ НА ШКАЛЕ ОЖИДАНИЯ	350
3. КОНТРИМПРИМЕРЫ	352
4. ЗАЧЕМ НУЖНА ШКАЛА В ТОЛКОВАНИИ ДАЖЕ?	356

5. СТРАТЕГИИ ПОНИМАНИЯ	358
ГЛАВА 9. НЕ, ТОЛЬКО, ДАЖЕ И ИЕРАРХИЯ ИМПЛИЦИТНЫХ ЗНАЧЕНИЙ	363
1. МОДАЛЬНАЯ РАМКА В ЗНАЧЕНИИ ДОСТАТОЧНОСТИ	364
2. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЗНАЧЕНИЯ ДОСТАТОЧНОСТИ С ЧАСТИЦАМИ	367
2.1. Частица <i>даже</i>	367
2.2. Частица <i>не</i>	368
2.3. Частицы <i>не</i> и <i>даже</i>	368
2.4. Частица <i>только</i>	370
3. КОНФЛИКТ ИМПЛИЦИТНЫХ ЗНАЧЕНИЙ	373
ГЛАВА 10. АДВЕРБИАЛЫ И СООТНОШЕНИЕ ИСХОДНОЙ И ПРОИЗВОДНОЙ ПРОПОЗИЦИЙ	377
1. НЕСОВПАДЕНИЕ РЕФЛЕКСОВ ГЛАГОЛОВ	378
2. КОРЕФЕРЕНТНОСТЬ ИМЕННЫХ ГРУПП	380
2.1. Неопределенные и вопросительные местоимения и производная пропозиция	380
2.2. Анафорические местоимения и производная пропозиция	382
ГЛАВА 11. СОЧИНИТЕЛЬНЫЕ СОЮЗЫ И СИНТАКСИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ	389
1.1. Принцип однофункциональности сочиненных членов ..	390
1.2. Вторичная союзная связь	392
2. СОЮЗНЫЕ СОЕДИНЕНИЯ И ОДНОМЕСТНЫЕ СОЮЗЫ	398
3. НЕКАНОНИЧЕСКИЕ СОЧИНИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ С СОЮЗНЫМИ СОЕДИНЕНИЯМИ	401
3.1. Смещение	404
3.2. Асимметричное сокращение	410
4. АСИММЕТРИЧНАЯ КОНСТРУКЦИЯ ТИПА «ПЕРЕНОС БЕЗ ОПУЩЕНИЯ»	416
4.1. Разновидности этой конструкции	416
4.2. Конструкция «Перенос без опущения» как способ разрешения синтаксического конфликта	421
5. ИСТОЧНИКИ КОНФЛИКТА	429
5.1. Семантический источник конфликта	430
5.2. Синтаксический источник конфликта	430
5.3. Сочетаемый источник конфликта	432
5.4. Коммуникативный источник конфликта	433
6. ДРУГИЕ СПОСОБЫ РАЗРЕШЕНИЯ КОНФЛИКТА	433
7. ЗАКЛЮЧЕНИЕ	436
ГЛАВА 12. МИРОПОРОЖДАЮЩИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА И ПРИКЛАДНАЯ СЕМАНТИКА	437
1. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕССОР И ЕГО СЕМАНТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ	437
2. ЛОКАТИВНЫЕ И МИРОПОРОЖДАЮЩИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА	441
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	450
ЛИТЕРАТУРА	451

ВВЕДЕНИЕ

В настоящей работе мы будем исходить из того очевидного факта, что каждое предложение построено из некоторого количества языковых единиц и что его значение каким-то образом сформировано из их значений. Это представление, которое иногда называют принципом композициональности (или принципом Фреге), в наиболее общей форме можно сформулировать так: значение выражения является функцией значений его частей и способа их синтаксического соединения (Partee 1984, Partee, Ter Meulen, Wall 1990: 318).

Впрочем, по поводу того, насколько Г. Фреге действительно был сторонником этого принципа, существуют обоснованные сомнения (Janssen (to appear)). Тем не менее, композициональность является стандартным принципом в логике и в философии языка и, в частности, играет фундаментальную роль в грамматике Монтегю. В лингвистике же этот принцип разделяется далеко не всеми. Автору не раз приходилось слышать удивленные возгласы коллег: «Неужели вы действительно верите в принцип композициональности?» На наш взгляд, однако, вопрос состоит не в том, чтобы принять или отвергнуть этот принцип в целом, а в том, чтобы найти для него подходящее место.

В самом деле, в наиболее естественной интерпретации этот принцип предполагает, что любое сложное языковое выражение, например, предложение, собирается из готовых структурных элементов. (Грамматика Монтегю идет еще дальше и требует строгого параллелизма между правилами синтаксиса и семантики: для каждого синтаксического правила, строящего сложное выражение из составных частей, должно быть сформулировано соответствующее семантическое правило, задающее семантический эффект такого соединения). Однако даже в более свободном понимании композициональный подход не учитывает некоторых важных аспектов функционирования языка и прежде всего — его творческой способности. Как мы знаем, мастер может заставить слово вести себя самым неожиданным образом: поворачиваться к нам различными гранями, мерцать отраженным светом, переливаться разнообразными оттенками, приобретать обертона и тому подобное. Какую бы метафору здесь ни использовать, очевидно, что нечего и мечтать каталогизировать подобные явления в каком бы то ни было словаре. Любое слово может подвергнуться непредсказуемому сдвигу значения. Иначе говоря,

язык — это употребление, *language is use*, и это совершенно несовместимо с идеей построения текста из заранее изготовленных кирпичиков.

Нередко утверждается, что если и можно с некоторой уверенностью говорить о значении целых высказываний, то «такой уверенности у нас нет, когда речь идет о частях высказывания. В особенности нет гарантии того, что то или иное слово имеет самостоятельное значение» (A. Bogusławski 1966). Еще более решительно высказывался С. Карцевский, который писал: «Слово, попадая в высказывание (фразу), теряет свои контуры, превращаясь в члена фразы, единицу смысла. Во фразе ничто не интересуется словом: его составом, его позицией на других уровнях; слово перестает быть словом, превращаясь в новую единицу или в частицу более крупной единицы» (Karcevskij 1931: 224—225). И далее: «C'est le tout qui explique les parties, et non le vice-versa» (Karcevskij 1931: 227). Трудно найти более яркую формулировку принципа антикомпозициональности.

Соображения такого рода обычно приводят к выводу о том, что объектом семантического анализа могут быть только целые высказывания, и притом взятые в широком словесном и ситуационном контексте. Тем не менее, все эти справедливые замечания сами по себе еще не дают достаточных оснований для того, чтобы полностью отвергнуть концепцию построения сложных объектов из более простых. Вряд ли кто-нибудь будет всерьез спорить с тем, что, скажем, в сочетаниях *зеленый забор* и *зеленая крыша* содержится одно и то же слово *зеленый*, которое выполняет одну и ту же задачу: приписывает объекту некоторое свойство, причем одно и то же в обоих случаях. Отказ от подобных утверждений, или, что то же самое, отказ от принципа композициональности как такового, ведет в конечном счете к отрицанию существования каких бы то ни было воспроизводимых языковых единиц и, в частности, слов. В этом случае не имело бы никакого смысла составлять словари, или, по крайней мере, словарь не имел бы никакого теоретического статуса. Это, конечно, крайность.

Не оспаривая утверждения о первичности анализа высказываний, хочется все же исходить из того, что значения высказываний являются сложными образованиями и определенным образом складываются из значений более простых единиц, входящих в их состав. Скептицизм относительно осмысленности отдельных частей высказываний в значительной степени связан с недостаточностью наших знаний о механизмах, управляющих объединением значений отдельных единиц в значение целого высказывания.

Нам представляется, что принцип композициональности совершенно разумен и его следует придерживаться как можно дольше — до тех пор, пока языковой материал не окажет ощутимого сопротивления. Этот момент и будет знаменовать границу применимости этого принци-

па. Чем больший путь удастся пройти по дороге композициональности без ущерба для адекватности описания, тем меньше окажется число исходных элементов описания и, следовательно, тем выше степень достигнутого обобщения.

Принцип композициональности не следует понимать слишком механистично. Построение предложения — это все-таки не сборка игрушки из детского конструктора. Значения лексем, морфем, синтаксических конструкций и других значимых единиц языка объединяются в единое целое на основе довольно сложных правил, и поэтому значение предложения нельзя рассматривать как простую сумму входящих в него элементов. Соединение значений элементов предложения может быть столь неочевидным, что часто нелегко определить, каким именно элементом предложения привнесено в него то или иное значение. Тем не менее, для каждого конкретного значения, входящего в состав предложения, существует какой-то источник. Значение не может взяться из ничего. В идеале, для каждого смыслового компонента предложения лингвист должен уметь определять, чем именно он внесен в предложение, какой элемент за него отвечает. Не только каждый значимый элемент предложения имеет какой-то рефлекс в его семантической структуре, но и каждый элемент семантической структуры должен иметь определенный источник в предложении.

В частности, если имеются два близких, но не тождественных по смыслу выражения, мы должны не только указать различающиеся смысловые компоненты, но и обнаружить, за счет чего возникает различие.

Чаще всего отсутствие синонимии двух выражений обусловлено просто тем, что в них выступают не вполне синонимичные единицы, или же тем, что слова по-разному синтаксически связаны. Ниже мы не раз встретимся и с другими источниками смысловых различий. Обнаружение и описание подобных ситуаций — одна из сквозных тем данной книги.

Мы увидим, что во многих случаях смысловое различие может возникать при тождественных лексических значениях и одной и той же синтаксической структуре — за счет того, что значения слов по-разному соединяются.

Существуют особые языковые механизмы, которые соединяют значения отдельных единиц в более крупный семантический комплекс на основе синтаксической структуры предложения. Эти механизмы относятся к компетенции синтаксической семантики. Конкретнее, задача синтаксической семантики состоит в описании того вклада, который вносит в семантику предложения его синтаксис¹.

¹ С точки зрения семантической интерпретации, синтаксические конструкции можно с некоторой долей условности разделить на два класса: нагруженные и

Итак, нас интересует следующая задача: пусть дано предложение и известны, с одной стороны, значения всех входящих в него слов, а с другой стороны, известно, каковы синтаксические связи между ними. Требуется описать, каким образом значения отдельных слов складываются в совокупное значение всего предложения.

Основным способом объединения значений слов в более крупные смысловые фрагменты является заполнение валентностей. Изучение механизма этого заполнения становится, таким образом, одной из важнейших задач синтаксической семантики.

К настоящему времени в области изучения валентностей накоплен большой массив знаний. Существует и несколько хороших обзоров на эту тему; один из лучших — в книге Somers 1987. Первым, кто ввел в лингвистику достаточно разработанное понятие и сам термин «валентность», был, по-видимому, де Гроот (Groot 1949). Основы теории валентностей были заложены в таких работах, как Tesnière 1959, Мельчук 1964, Helbig 1971, Апресян 1974, Мельчук 1974, Helbig, Stepanova 1981, Helbig 1982, Welke 1988 и др. Несмотря на это многие важные аспекты теории валентностей изучены еще крайне недостаточно. В первую очередь это касается валентностей неглагольной лексики и способов их заполнения.

Как известно, понятие валентности первоначально возникло для описания семантико-синтаксических свойств глаголов. Позднее стали обсуждаться возможности, связанные с расширением области применимости понятия валентности, но в основном эти дискуссии не пошли дальше утверждения о том, что, помимо глаголов, валентности следует усматривать также у некоторых прилагательных (особенно в предикативном употреблении) и существительных (особенно производных от глаголов или прилагательных), таких, как нем. *böse* (+Gen) 'злой на кого-либо' (*Die Mutter ist ihrer Tochter böse* 'мать сердится на дочь'), англ. *glad* (at/about something) 'довольный чем-либо', *fight* (for something) 'борьба за что-либо' и т. п., поскольку выражения типа *the people's fight for freedom* 'борьба народа за свободу' в ряде отношений близки к глагольным

ненагруженные семантически. К первому классу относятся такие конструкции, в которых синтаксическими средствами выражаются полнозначные смыслы, такие, как смыслы 'приблизительно' и 'смоочь' в примерах *книг десять* 'приблизительно десять книг' и *Тебе этого не понять* 'ты не сможешь этого понять'. Именно для таких конструкций в концепции И. А. Мельчука вводятся специальные фиктивные глубинно-синтаксические лексемы (Мельчук 1974: 142). Ко второму классу принадлежат конструкции, непосредственно не передающие таких значений. Их семантический вклад состоит лишь в том, что они фиксируют связи между словами и тем самым определяют способ объединения значений этих слов в единое целое. Таковы, например, самые ходовые конструкции типа *Иван задумался*, *вспоминания о юности*, *двадцать лет* и т. п. В данной работе мы будем иметь дело главным образом с конструкциями второго класса.

предложениям типа *The people are fighting for freedom* 'народ борется за свободу' (Helbig, Schenkel 1973: 23, Sommerfeldt, Schreiber 1974, Sommerfeldt 1975, Teubert 1979, Allerton 1982). Как видим, в основе этих попыток лежала прежняя идея о том, что глагольность неотъемлемо входит в концептуальное ядро понятия валентности (ср., впрочем, Korhonen 1977: 172, Leech 1981: 199, Busse, Vilela 1986: 119, где допускаются валентности и у неотглагольных существительных, обозначающих отношения, таких, как *отец, дядя, племянник* и др.).

Принципиально новый шаг был сделан Ю. Д. Апресяном, который впервые отчетливо отделил понятие валентности от глагольности (Апресян 1974). В основе валентности, по Апресяну, лежит семантический анализ ситуации, с которой соотносится данное слово. На валентный статус может претендовать любой необходимый участник ситуации (*participant*), который выражается в предложении при данном слове. Эта идея поставила вопрос о валентностях на гораздо более ясную основу. Прежде чем говорить о валентностях, нужно полным и не избыточным образом описать ситуацию, обозначаемую данным словом. В таком описании будут непременно указаны все необходимые (= семантически обязательные) участники, ибо необходимый участник — это, по определению, такой, без которого слово нельзя адекватно истолковать. Конечно, вопрос о грани между необходимыми участниками ситуации и участниками, не являющимися таковыми, во многих случаях далеко не ясен. Существенно, однако, то, что сама проблема перенесена в другую плоскость. Это теперь вопрос, касающийся не теории валентностей, а семантической трактовки отдельных слов и классов слов. Если для данного слова предложено некое толкование, то набор его валентностей следует из толкования автоматически.

Если согласиться с таким подходом, то становится совершенно очевидно, что глаголы, хоть и составляют основной, прототипический класс валентных слов, но все же вовсе не обладают в этом отношении монополией. Если слово любой другой части речи обозначает ситуацию, имеющую переменных участников, обозначения которых могут быть систематически выражены в том же предложении, то и ему нет оснований отказывать в статусе валентного слова. В самом деле, сравним глагол *предшествовать* и предлог *до*. Оба слова выражают идею определенного временного соотношения двух событий; ср. предложения (1а) и (1б), в которых это соотношение устанавливается между событиями 'круглый стол' и 'конференция':

(1а) *Круглый стол предшествовал конференции.*

(1б) *Круглый стол состоялся до конференции.*

Ни у кого не возникает сомнений в том, что глагол *предшествовать* в (1а) имеет две валентности — предшествующего и последующего события. Но тогда те же валентности должны быть усмотрены и в (1б) у предлога *до*. Единственное отличие состоит в синтаксических позициях выражений, заполняющих эти валентности у глагола и у предлога: при глаголе *предшествовать* валентности заполнены подлежащим и дополнением, а при предлоге *до* — глагольной группой *круглый стол состоялся* и стоящим при предлоге именем (*конференция*).

Сделаем одно терминологическое замечание. Валентность, которая заполняется выражением, синтаксически подчиненным валентному слову, называют а к т и в н о й. Если же выражение, заполняющее валентность данного слова, не подчиняется ему, а само его подчиняет, то такую валентность принято называть п а с с и в н о й. В нашем примере обе валентности глагола *предшествовать* являются активными, поскольку глагол синтаксически подчиняет подлежащее и дополнения. В случае предлога *до* одна из валентностей также является активной (*до конференции*), а вторая оказывается пассивной, поскольку предлог синтаксически зависит от глагола (*состоялся до*).

Глагол — самый характерный носитель активных валентностей. Именно в глаголе активные валентности реализуются с максимальной полнотой и разнообразием, и именно глагольные валентности изучены лучше всего. Имеется несколько словарей валентностей и сочетаемости глаголов, охватывающих огромный фактический материал (см., например, Helbig, Schenkel 1968, Busse, Dubost 1974, Apresjan, Pall 1982, Engel, Savin 1983). Словарей валентностей существительных и прилагательных существует гораздо меньше (см., например, Sommerfeldt, Schreiber 1974 и Sommerfeldt, Schreiber 1977), и они также описывают только активные валентности. Пассивные валентности, которые характерны для таких классов слов, как наречия, прилагательные, предлоги, союзы и частицы, привлекали к себе гораздо меньше исследовательского внимания, а между тем они таят в себе массу неожиданностей.

В настоящей работе предпринимается попытка исследовать в первую очередь валентные свойства слов, имеющих пассивные валентности. Мы не ставили своей целью построить описание валентностей больших классов слов. Направленность нашей работы была в большей степени теоретической, чем практической. Исходя из того, что наиболее типичные, массовые классы явлений — если не лексикографически, то, по крайней мере, теоретически — освоены вполне удовлетворительно, мы стремились сосредоточиться скорее на явлениях редких, иногда даже уникальных. Эта установка неизбежно приводит к тому, что некоторые разделы книги (в частности, глава 3) могут производить впечатление лингвистической кунсткамеры, коллекции раритетов. Однако именно на этом пути, как нам кажется, можно ожидать большего про-